

“Слабые связи” в условиях цифровизации: новые теоретические перспективы

Научный руководитель – Мартыненко Татьяна Сергеевна

Власенко А.Е.¹, Евгеньев Д.С.²

1 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра экономической социологии и маркетинга, Москва, Россия, *E-mail: lesha_vlasenko@bk.ru*; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра экономической социологии и маркетинга, Москва, Россия, *E-mail: lesha_vlasenko@bk.ru*

Концепция “слабых связей” М. Грановеттера оказала существенное влияние на развитие теорий, связанных с сетевым подходом к изучению общества, которые с течением времени лишь подтверждают свою актуальность. Один из ключевых тезисов автора описывает пользу “слабых связей”[2] для создания и распространения качественно новых информационно-коммуникационных сообщений в социальных сетях. Однако, в настоящий момент некоторые положения данной концепции требуют уточнения с учетом активных процессов цифровизации и сетевизации. В рамках данной работы была осуществлена попытка включения этих положений в контекст современного цифрового общества.

Актуальность сетевого подхода обусловлена, в первую очередь, масштабными социальными последствиями технологических достижений человечества за последние десятилетия. Так, Б. Уэлман в своей концепции “сетевого индивидуализма” связывает изменение технологий коммуникации с переходом общественных структур от замкнутых групп к разрозненным индивидам, включенным в сложную сеть связей[7]. При этом местоположение постепенно теряет свой определяющий характер при установлении контактов и обмене информацией. Таким образом, человек вполне может не общаться с соседями, но довольно близко знать человека из другого города или даже страны. Он может быть эмоционально и темпорально быть гораздо более вовлеченным в деятельность групп, никак не связанных с “классическими” социальными ролями (семейными, профессиональными, локальными). То есть, в терминологии Грановеттера, выстраивание сети связей (в основном слабых) все меньше привязано к месту дислокации индивида[4]. Из этого в свою очередь можно сделать вывод о включении все более различных с культурной точки зрения сообщений в информационное поле современного человека.

В то же время слабые связи в цифровом мире имеют куда больший потенциал в вопросе преодоления структурных различий в процессе коммуникации, что особенно заметно в контексте изучения виртуальных реальностей, как пространств, позволяющих выстраивать коммуникацию в отрыве от социальных характеристик индивидов, опираясь лишь на их положение и достижения в виртуальном мире. Так большая часть “free-to-play” многопользовательских онлайн игр придерживается политики независимости игрового процесса от внутриигровых покупок (“донатов”), что оценивается аудиторией преимущественно положительно [6]. Это приводит к тому, что в игровой вселенной “статус” игрока, включенность в различные игровые сообщества зависит лишь от способностей и времени, проводимого в игре. В то время как пол, возраст, социальный статус, национальность и т.д. едва ли оказывают влияние. (Стоит оговориться, что при этом сохраняются ограничения, вызванные цифровым неравенством[3])

Описанная тенденция расширения поля слабых связей индивида благодаря цифровым и коммуникационным технологиям приводит, как уже говорилось, к появлению все более разнообразных с культурной, социальной, политической и иных точек зрения сообщений. При этом само наличие слабых связей выступает залогом передачи сообщений максимально широкому кругу лиц. Одно из следствий - ослабление идентификации индивидов

с национальными, профессиональными, локальными, религиозными и т.д. группами по принципу противопоставления “мы - они”. Иные культурные и социальные модели становятся известными и приемлемыми (культурный релятивизм).

Нам представляется, что подобный культурный релятивизм является следствием и одновременно движущей силой глобализации, как масштабного и многостороннего явления[5]. Широкие сети коммуникативных связей приводят к все более широкой идентификации индивида в контексте не только страны, но региона, континента и, как итог, всего мира. Вкупе с развитием транспортной инфраструктуры это оказывает значительное влияние на жизненный мир человека, расширяя его представления о других культурах. Что в свою очередь может способствовать росту генерализованного доверия индивида, который ведет к увеличению общего радиуса доверия, основанного преимущественно на слабых связях[1]. Уменьшение трансакционных издержек, активизация гражданского участия и налаживание межкультурной коммуникации - это лишь небольшая часть эффектов, которые мы можем непосредственно наблюдать в современном мире в качестве последствий качественного и количественного прогресса сетевых структур. К тому же, подобная структура за неимением существенных отклонений, иначе говоря крупных социальных кризисов, имеет большой потенциал в развитии культурного многообразия и воспитания критического мышления.

Подводя итоги, скажем, что комплексные технические и социальные трансформации преимущественно расширяют сети коммуникаций отдельно взятых индивидов, как пространственно, так и социально. Это не может не повлечь изменений в мировосприятии и мировоззрении современного человека, основные направления которых мы попытались отразить — это релятивистские и доверительные тенденции. Однако, необходимо заметить, что процесс этот не столь однозначен и безоговорочен. Сетевые структуры не являются свободными от разного рода неравенства и способны изолировать некоторых участников. Кроме того, важно понимать связанность и взаимодополняемость виртуальной и объективной реальностей. Связи, построенные исключительно на виртуальных контактах, скорее всего, не столь тесны, и могут оказаться куда менее эффективными без реального подкрепления.

Источники и литература

- 1) Веселов Ю. и др. Доверие в цифровом обществе //Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. – №. 2. – С. 129-143.
- 2) Грановеттер М. Сила слабых связей //Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – №. 4. – С. 31-50.
- 3) Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – №. 1. – С. 108-120.
- 4) Кравченко А. И. Теория М. Грановеттера для социологии города //Социология. – 2021. – №. 4. – С. 27-43.
- 5) Li H., Jung S. Networked audiences and cultural globalization //Sociology Compass. – 2018. – Т. 12. – №. 4. – С. e12570.
- 6) Marder B. et al. The Avatar’s new clothes: Understanding why players purchase non-functional items in free-to-play games //Computers in Human Behavior. – 2019. – Т. 91. – С. 72-83.
- 7) Wellman B. Little boxes, glocalization, and networked individualism //Kyoto workshop on digital cities. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2001. – С. 10-25.